

Этой ночью не спал не только Ци Гу. Мяо Юэ явно тоже не могла уснуть: ей не терпелось получить от Линь Ханьчжи репортаж прямо с передовой.

Но после того телефонного разговора ни одно её сообщение больше не получило ответа. Мяо Юэ невольно заподозрила: неужели брат Ци настолько разозлился, что избил Линь Ханьчжи так, что тот теперь даже подняться и ответить на звонок не может?

Если правда так... может, стоит позвонить и справиться о здоровье?

С этими мыслями Мяо Юэ, колебавшись, набрала номер.

Снаружи шелестел дождь и ветер. Дренажная система во дворе работала, и было слышно, как вода течёт по канавкам в низину.

Вскоре после того, как Линь Ханьчжи уснул, над горой Фуай пошёл дождь.

Его телефон, лежавший на ковре, внезапно загорелся и завибрировал, привлекая внимание Ци Гу. Тот поспешно поднял аппарат. Он всего лишь хотел посмотреть, кто звонит, и решить, стоит ли будить Линь Ханьчжи, но в руке у него был талисман, весь покрытый киноварью. Край бумаги случайно задел кнопку приёма — и звонок оказался принят.

Ци Гу ничего не оставалось, кроме как поднести телефон к уху и понизить голос:

— Алло? Здравствуйте.

Он уже собирался объяснить, что Линь Ханьчжи уснул, а он сам случайно ответил, но в трубке раздался громкий вопль Мяо Юэ, за которым последовала длинная вереница бессмысленных междометий.

— Брат Ци, почему трубку взял ты? — после трёх минут безумия Мяо Юэ наконец успокоилась, и Ци Гу смог снова поднести динамик к уху.

— Он спит. Я ещё кое-чем занят и случайно ответил. Разбудить его для тебя? — Ци Гу всё ещё говорил вполголоса, а взгляд постоянно опускался на бледное лицо спящего Линь Ханьчжи.

— Не надо, не надо... Я просто хотела спросить: вы... помирились? Но у тебя спросить тоже можно, — торопливо сказала Мяо Юэ, будто ребёнок, впервые увидевший отчима.

— Мы не ссорились. Я уже давно чувствовал, что что-то не так, — объяснил Ци Гу.

— Прости, — хотя Ци Гу не возражал, Мяо Юэ всё равно считала, что извиниться необходимо.

— Извинения приняты. Не бери в голову, — взгляд Ци Гу мягко лёг на бледный профиль Линь Ханьчжи. — А вы с ним когда познакомились? Можешь рассказать, каким он тогда был? Давай в WeChat.

Если и дальше говорить таким приглушённым голосом, Ци Гу казалось, что скоро он превратится в шипящую змею.

□Нож сестры очень острый: Брат Ци, это я□

□Нож сестры очень острый: Если спрашиваешь об этом, то я вообще не хочу спать. Мы с боссом знакомы больше десяти лет...□

Мяо Юэ, словно высыпая горох из мешка, рассказала обо всём хорошем и плохом из детства Линь Ханьчжи. Она буквально ничего не утаила и в конце особенно подчеркнула:

□Нож сестры очень острый: Столько лет прошло, а я ни разу не видела брата Линя таким живым, как сейчас. Раньше он тоже болтал всякую ерунду, смеялся и шутил, но всё равно казалось, будто между ним и миром есть какая-то плёнка. Словно он вообще не человек, живущий здесь, и в любой момент может просто отстраниться и уйти... Но после встречи с тобой, брат Ци, это чувство стало намного слабее□

□Нож сестры очень острый: В общем, я хочу, чтобы у вас обоих всё было хорошо□

Из рассказа Мяо Юэ Ци Гу собрал образ маленького Линь Ханьчжи, от которого сердце сжималось от жалости. Он представлял подростка, прятанного в рукавах несколько костяных клинков и одиноко идущего по бескрайним землям страны в поисках следов сильных призраков.

Кто знает, видел ли он во время бесчисленных поездок сквозь мутную грязь на стёклах вагонов и машин дома за окном, дым из труб — и скрытое за ним значение слова «дом».

От одной мысли в сердце появлялась тянущая боль. Не резкая, а тонкая, непрерывная, как множество нитей: чем больше думаешь, тем печальнее становится.

* * *

Мяо Юэ страшно боялась, что Ци Гу не оценит Линь Ханьчжи, и, хорошенько расписав его достоинства, наконец вздохнула с облегчением.

Но вдох успел выйти лишь наполовину, когда ей вдруг показалось, что здесь что-то не так. Подумав внимательнее, она поняла: действительно не так.

Почему... после того как они оба всё друг другу раскрыли и излили сердца, первым уснул именно этот пёс-босс???

От такой мысли страшно становилось и при глубоком анализе, и без всякого анализа.

Неужели босс — тот, кто снизу...?

Вот уж действительно по внешности не скажешь.

* * *

Линь Ханьчжи спал не слишком спокойно и во сне постоянно приставал к Ци Гу. То забрасывал запястье ему на лодыжку, то тёрся лицом о бедро, словно кот, выпрашивающий внимание. Но стоило Ци Гу почувствовать, что тот мешает работать, и погладить его по спине, как Линь Ханьчжи быстро затихал на какое-то время — будто всё это время лишь притворялся спящим.

Настоящий кот.

Ци Гу почти закончил разбирать структуру символов и был уверен, что сможет сделать всё с первой попытки. Но... талисманную бумагу легко повредить и слишком легко потерять. Если сложить в маленький треугольник, она запросто может выскользнуть, когда достаёшь что-нибудь из кармана. Если не складывать — тем более легко запачкать или порвать. А главное, Ци Гу считал, что настолько важный знак связи должен находиться ближе к телу.

Как всем известно, вкус у Ци Гу был впечатляющий: он всей душой любил сочетание красного и зелёного. Подумав туда-сюда, он наконец придумал форму для талисмана.

Неизвестно, почувствовал ли Линь Ханьчжи издалека, что Мяо Юэ уже успела записать «единицу» в «ноль», но под чистый стук дождя по карнизу и белый шум воды, бегущей по двору, он проснулся.

Сонным взглядом первым делом увидел на низком столике всё ещё горевший оранжевый ночник, который окрашивал комнату тёплым уютным светом.

Ци Гу сидел в той же позе, что и до его сна, опустил глаза и сосредоточенно работая над предметом в руках.

Но теперь там были уже не жёлтая талисманная бумага и киноварь, а нечто похожее на браслет.

Холодные линии профиля Ци Гу смягчились, когда он заметил едва слышное движение рядом.

Он чуть повернул голову:

— Почему проснулся сейчас?

Возможно, из-за глубокой ночи он подсознательно говорил тише обычного, и голос звучал ещё мягче.

Возникало ощущение, будто супруги закрылись в комнате и тихо разговаривают о своём. От этой атмосферы у Линь Ханьчжи перехватило дыхание.

— Почему ты ещё не спишь? Доделаешь завтра. Не горит, — Линь Ханьчжи невольно заговорил тем же тоном, не желая разрушать этот тёплый момент.

— Уже готово, — ответил Ци Гу.

Линь Ханьчжи тут же поднял голову, пытаясь через низкий столик рассмотреть вещь в его руках.

Это были два браслета на прозрачной нити. На каждом висела половинка изумрудно-зелёной нефритовой подвески; если сложить их вместе, получалось изображение пары уток-мандаринок с переплетёнными шеями. Рядом с подвесками чередовались бусины зелёного нефрита и южного красного агата. Через каждые четыре-пять бусин свисал кусочек жёлтой талисманной бумаги примерно того же размера, что и половинка подвески. Киноварью на нём были начертаны густые сложные заклинательные символы — по уровню плотности примерно как статья SCI, втиснутая на одну страницу.

Красный, зелёный, жёлтый... сочетание было убийственным.

К счастью, насыщенность всех трёх цветов была невысокой. На одном браслете они не выглядели слишком странно, а даже создавали какую-то трудноописуемую, необычную красоту.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949187>